

Татьяна Белоусова-
Ротштейн

Парагвайское чаепитие

Рассказы

Татьяна Белоусова-Ротштейн

Парагвайское чаепитие. Рассказы

«Издательские решения»

Белоусова-Ротштейн Т.

Парагвайское чаепитие. Рассказы / Т. Белоусова-Ротштейн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904561-4

Парагвайское чаепитиеСтарый снайперПамять ТеррыБеатаСнега планеты
ТарихоВенеция без любвиГенерал Леоте, Хаос и ПорядокПринцесса, вампир
и морское чудовищеСвет и Тьма. СвиданиеЦарская корона для королевы

ISBN 978-5-44-904561-4

© Белоусова-Ротштейн Т.
© Издательские решения

Содержание

Парагвайское чаепитие	6
Старый снайпер	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Парагвайское чаепитие Рассказы

Татьяна Белоусова-Ротштейн

© Татьяна Белоусова-Ротштейн, 2018

ISBN 978-5-4490-4561-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Парагвайское чаепитие

На мою жизнь еще никогда не покушались, но я не сомневался, однажды это может произойти. Слишком многое, порой, от меня зависит.

И вот оно, первое покушение, в Парагвае. Впрочем, сразу могу сказать, всё тогда вышло к лучшему.

Мы не проехали и часа от Асунсьона, как под капотом что-то взорвалось, в салон повалил дым, и автомобиль потерял управление. Это произошло очень быстро: водитель, за рулем был представитель пригласившей меня фирмы, сумел сбросить скорость и направить машину в кювет. Весьма профессионально. Автомобиль даже не перевернулся, помог местный кустарник. Все трое – водитель, я и переводчик быстро выбрались на шоссе, никто серьезно не пострадал.

– Андрей, – едва переводя дух, спросил переводчик, когда мы отбежали на безопасное расстояние, – как вы?

– Порядок, – ответил я, тоже с трудом дыша. Но тогда я, конечно, еще не понимал, что мне происшествие к удаче.

Сказать по правде, я тогда предпочел бы, может быть, сломать ногу или руку, чем глотать этот дым.

При моей работе я вынужден избегать даже средств гигиены с резким запахом и сильно пахнущей пищи в любом виде. Не говоря уже о курении и алкоголе. Профессия титестера требует идеального обоняния и великолепного состояния рецепторов вкуса.

При первой встрече представитель фирмы назвался «многоэтажным» испанским именем, уточнив, что является потомком некоего испанского рода. Я запомнил только первое и последнее его имя, Хуан Антонио, так к нему и обращался.

Теперь Хуан Антонио громко разговаривал с кем-то по мобильному. Судя по интонации и жестам, звонил он не в полицию.

– Конкуренты, – коротко пояснил переводчик, – если его фирма получит ваше заключение, у них будет большое преимущество на экспорте.

Переводчика зовут гораздо проще, Сергей, он уже несколько лет работает в Парагвае, если я опять же ничего не путаю. Во время таких поездок я, как эксперт, обычно сосредотачиваюсь только на работе, всё прочее едва касается моего сознания.

– Понимаю, – также коротко кивнул я.

Я, действительно, отлично понимал. От экспертной оценки зависит всё дальнейшее развитие чайной компании. И будет ли, вообще, у неё какое-то развитие.

Фирма-конкурент, разумеется, не имеет ничего против лично меня, приглашенного иностранца. Только мне совсем не хотелось бы сгинуть в местечковых разборках.

– Что теперь? – спросил я, тяжело оглядываясь по сторонам.

Испанский «гранд» всё еще разговаривал по телефону. Сергей довольно грубо дернул его за руку, требуя объяснений.

Я терпеливо ждал, собственно, что мне оставалось? Только оглядываться по сторонам.

Парагвай, центр Южной Америки, влажная жара. Очень влажно и очень жарко. Я уже примерно представлял, каким должен быть продукт, здесь выращенный. По вкусу, запаху и виду чая титестер точно определит не только сорт, но и место, где тот был выращен, и сезон сбора, и способ его хранения.

Переводчик и «гранд», наконец, о чем-то договорились.

– Придется подождать, – натянуто-бодро сообщил Сергей, – за нами пришлют другую машину, но позже. Им там нужно... решить кое-какие вопросы.

Хуан Антонио посмотрел на меня заискивающе и на смеси испанского и английского обещал оплатить все дополнительные расходы.

– Понимаю. Решить вопросы, – бесстрастно кивнул я, – ждать прямо здесь?

– Нет, нет! – резко замотал головой Сергей. – Предлагаю пока прогуляться до ближайшей деревни местных индейцев, мака. Это очень популярное у туристов место, особенно из России. Там и подождем, думаю, через пару часов они... решат свои вопросы. И пришлют машину прямо туда.

Я пожал плечами. Было уже невыносимо стоять под зверским солнцем и нюхать этот дым. Индейцы так индейцы. За годы работы я перевидал немало туземцев, которые выращивали чай, собирали чай, грузили чай, продавали чай. В одной только Индии довелось прожить пять лет, получая свою первую практику.

Мы с переводчиком зашагали вперед, а «испанец» остался у машины. Он опять с кем-то ругался по телефону.

– Они там тоже, наверняка, готовят мате, по-простому, по-деревенски, – заметил Сергей, – предполагаю, вам нечасто доводится просто выпить чаю в приятной компании, да?

– Да, особенно, что касается компании, – я неопределенно махнул рукой за спину. Позади всё еще слышалась ругань благородного дона.

– Я раз видел работу сомелье, – присвистнул Сергей, – как они только полощут рот вином, а потом сплевывают. Жуткое зрелище!

Я еще раз просто кивнул.

Титестер за рабочий день может совершить десяток проб чая. Но при этом он не делает ни одного глотка, а лишь полощет рот настоем чайного листа. Сухой чай пробуете на ощупь, оценивается запах, цвет, внешний вид, плотность и форма. Еще следует понюхать чашку из-под чая или остывшие листья.

Хороший титестер держит в памяти несколько тысяч оттенков вкуса и запаха. А я, смею надеяться, хороший титестер.

– Вы извините, бога ради, нас за всю эту историю, – порывисто вздохнул Сергей, – наверно, вы не рассчитывали столкнуться с местным криминалом...

– Не берите в голову, – я чуть усмехнулся, – для меня это – просто захватывающее приключение.

Кроме всего прочего, хорошего титестера отличает умение выдерживать сильные физические и психологические нагрузки. Но если бы Хуан Антонио просто сразу позвонил в полицию, мне было бы гораздо легче.

– Верно, знаете, это даже удачно, что мы здесь задержимся на пару часов, – подхватил Сергей, – вам понравятся мака, там потрясающая история!

– Они, эти индейцы, здесь работают?

– Нет, не совсем. Они просто здесь живут. Теперь их поддерживают парагвайское правительство и некоторые иностранные фонды, хотя так было не всегда... Ну, и кое-какие доходы от туристов. От центра Асунсьона доехать просто – на такси до колонии Мака или на автобусе номер сорок четыре до Мариано Рока Алонсо. От центра ехать часа полтора, – Сергей шагал бодро и говорил бодро, как настоящий гид.

– А нам сколько идти?

– Минут пятнадцать. Вон, уже видна деревня...

– Вы, должно быть, работали гидом? – зачем-то спросил я, стараясь идти с ним в ногу.

– О, нет, – легко усмехнулся переводчик, – просто наслышан, эта местность здесь знаменита, с ней связана история одного русского героя Парагвая. Представьте, когда он умер, в стране был объявлен трехдневный траур. Там, на месте, нам всё расскажут.

Декабрь-январь в Парагвае – период самой сильной жары. Сергей, похоже, давно к ней привык и просто не обращает внимание. А я, при всём своём опыте путешествий по «чайным» странам, не привык.

Жара угнетает, подавляет, расплавляет мозг. Не можешь ни на чем сосредоточиться, кроме самой жары. Разве только на работе, на чае. И на воде, простой питьевой воде.

Мы шли и шли, Сергей еще что-то говорил. А мне вдруг стало жутко здесь, на пыльной прожаренной дороге, казалось, что до ближайшего города не час езды, а многие годы... Казалось, что я проваливаюсь куда-то в иной мир, иное время. Отчасти, так оно и было.

Я, признаться, не обладаю интуицией, вся эта поездка изначально казалась мне совершенно безопасной. Обычная поездка, обычная экспертиза продукта.

Надо сосредоточиться на работе.

В Парагвае производят мате.

Мате – тонизирующий напиток с высоким содержанием кофеина, готовится из высушенных измельченных листьев и молодых побегов падуба парагвайского. Крепкий мате имеет терпкий вкус с лёгким сладковатым оттенком.

Обычно мате пьется из калейбаса, специальной тыквы-горлянки при помощи трубочки бомбиллы. Бомбилла имеет уплощённый мундштук в верхней части и заканчивается колбообразным ситечком, которое служит фильтром.

Классический способ заваривания мате – заполнить калейбаса заваркой на одну треть, далее заварку встряхнуть и немного смочить водой. Вода должна быть достаточно мягкой, идеальная температура заваривания – семьдесят пять – восемьдесят градусов по Цельсию. Далее бомбилла аккуратно вставляется внутрь немного разбухшей заварки и калейбас заливается полностью. Достаточно подождать одну-две минуты, и мате готов к употреблению.

– Мы почти пришли, – сообщил Сергей, – это деревня местных жителей, но индейцы живут чуть дальше. Если кто едет первый раз, надо спрашивать у местных. Но я уже знаю дорогу.

Никаких табличек, указателей или больших ворот не было. Окруженная джунглями деревня плавно переходила в другую деревню. На первый взгляд, ничего особенного – несколько кирпичных строений, деревянные, крытые соломой бунгало, какие-то сарайчики, загородки – типичное поселение туземцев. Сами жители тут же, у своих жилищ, посматривают на пришельцев без особого интереса. По словам Сергея, их туристами не удивишь.

Ничего особенного, на первый взгляд.

С виду, как мне показалось, эти индейцы ничем не отличались от прочих латиноамериканцев: смуглые, темноглазые, темноволосые. И взрослые и дети одеты в «цивильные» футболки и шорты. Впрочем, я не особенно и приглядывался, больше всего меня в тот момент интересовало, есть ли здесь укрытие от солнца.

– А вот и гид, мой знакомый, – заметил переводчик, махнув кому-то рукой, – эй, Пауло!

Мы подошли к большому побеленному дому. Я предположил, что это что-то вроде административного здания или сельского клуба. Возможно, там даже есть кондиционер.

На крыльце, беспечно развалясь, сидел один из местных, полноватый человек в белой кепке. Он живо поднялся и шагнул навстречу. Приветливо протянул руку.

Сергей энергично представил нас по-испански. Гид немедленно воскликнул что-то радостное и еще раз пожал мне руку. Я, как мог, изобразил ответную улыбку.

– Он говорит, здесь всегда рады гостям из России, – пояснил Сергей, – почти никто из них не говорит ни на испанском, ни на гуарани, у каждого племени своё наречие. Пауло здесь единственный, кто знает испанский, вот и подрабатывает гидом.

Пауло, словно в подтверждение этой рекомендации, болтал без умолку, провожая нас в «клуб». Мы оказались в помещении с тремя столиками. Здесь, и правда, было чуть прохладнее.

– Он говорит, они уже привыкли, что иностранцы приезжают смотреть на них и фотографировать, – пояснял Сергей, – правда, он жалуется, что туристов мало. Турагентства не сильно рекламируют их деревню, или возят сюда туристов сами, заламывая тройную цену.

– Предупредите его, что у меня с собой очень мало наличных, – тихо заметил я.

– О, даже не беспокойтесь! – замахал руками переводчик. – Мы здесь просто в гостях. Я объяснил ему, что мы попали в аварию, и нам нужно подождать машину.

Я кивнул.

– Он спрашивает, что мы будем пить?

– Просто стакан воды, – быстро ответил я. И секунду подумав, нехотя добавил, – со льдом, если есть.

– А как же мате? – усмехнулся переводчик.

– Нет, – я выдавил еще одну слабую улыбку, – в другой раз.

В соседней комнате, откуда быстро вернулся Пауло, нашелся лед. Два больших кубика на стакан. Стакан стеклянный, чистый. Сергею принесли лимонад.

– Здесь у них что-то вроде культурного центра-музея, – добавил Сергей, кивая на обшарпанные стены, – и одновременно школа для местных детей.

Я проследил за его жестом. В еще одной комнате виднелись сваленные в кучу старые компьютеры. Вероятно, подарок щедрых спонсоров.

Пауло опять вышел и на этот раз принес стопку каких-то газетных вырезок и чёрно-белых фотографий. Возложил это на столик и торжественно произнес что-то на своём наречье.

– История Белого Вождя, так его до сих пор здесь называют, – пояснил Сергей, аккуратно вытягивая из «архива» совсем желтую газету, – его звали Беляев Иван Тимофеевич. Царский генерал, участник Белого движения, герой Парагвая... Так, пожалуй, его историю можно начать с этой заметки.

Я с такой же аккуратностью взял газету. Значит, речь пойдет о белой эмиграции. Надо полагать, еще одна беспощадная история на фоне беспощадной жары.

Газета называлась «Новое время», выпуск датирован тысяча девятьсот двадцать четвертым годом. Белград.

Серым карандашом выделена заметка: «Ко всем, кто мечтает жить в стране, где он может считать себя русским. Ехать в Парагвай и создать там национальный очаг, чтобы сберечь детей от гибели и растления».

– Хотя, конечно, нет, – поспешно добавил Сергей, доставая еще какие-то черно-белые фотографии, – начать надо гораздо раньше. Надо сказать, что Иван Тимофеевич, еще будучи гимназистом, интересовался Парагваем. На чердаке семейного имения он нашел карту Парагвая, принадлежащую его прадеду, адъютанту Суворова. Судя по будущим воспоминаниям, тогда его, мальчишку, заворожил далекая экзотическая страна, где рабство отменили на двадцать три года раньше, чем в США и на двадцать лет раньше, чем в России. Вполне естественно для гимназиста мечтать о далеких берегах, но кто бы мог тогда предположить... А впрочем, давайте по порядку.

Я взглянул на черно-белую фотографию. В ответ на меня посмотрел худощавый человек в пенсне и с аккуратной бородкой. Такие лица принято называть интеллигентными.

– Иван Тимофеевич Беляев, – мерно начал Сергей, раскладывая по столику бумаги, – родился в семьдесят пятом году, в семье потомственного военного. Его отец был генералом от артиллерии и командиром Кронштадтской крепости. К слову, родная сестра Ивана Тимофеевича, Мария была второй женой Александра Львовича Блока, то есть, мачехой поэта Александра Блока. Во время мобилизации именно Беляев помог Блоку пройти нетрудную службу в штабе тяжелого артдивизиона, которым сам тогда командовал. Как знать, может быть, тем спас будущего классика.

Беляев получил образцовое военное образование того времени. Окончил Второй Санкт-Петербургский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В тринадцатом году он составил «Устав горной артиллерии, горных батарей и горно-артиллерийских групп», а это, можете поверить, серьёзный вклад в развитие военного дела России.

Я взял еще пару фотографий. Всё офицеры, военная выправка. Старые снимки всегда чуть смутные, будто само время набросило поверх изображения свою пелену.

– В начале войны Иван Тимофеевич – полковник и командир батареи в Первом Кавказском артиллерийском дивизионе, – продолжил Сергей, – в пятнадцатом году – уже георгиевский кавалер «за спасение батареи и личное руководство атакой». В начале шестнадцатого года он был тяжело ранен, находился на лечении в лазарете Её Величества в Царском селе. Скорою вернулся на фронт, участвовал в Брусиловском прорыве. Но тогда, – резко оборвал сам себя переводчик, – он и его товарищи и представить не могли, что им предстоит стать героями не только России, но и Парагвая.

– А знаете, – вдруг заметил я, – мне почему-то Первая мировая всегда казалась более трагичной, чем Вторая и даже Великая отечественная. Знаю, что по числу жертв и разрушений, по мощи оружия и всего прочего – наоборот, но...

– Возможно, дело в итогах? – предположил Сергей.

– Наверное, – я лишь пожал плечами, – двадцатый век по-настоящему начался именно тогда.

– В марте семнадцатого года, – Сергей достал из стопки уже более новый листок, оказавшийся ксерокопией с машинописной страницы. Прочитал: – На псковском вокзале в ответ на требование унтера со взводом солдат, снять погоны, Беляев ответил: «Дорогой мой! Я не только погоны и лампасы, я и штаны поснимаю, если вы повернёте со мною на врага. А на „внутреннего врага“, против своих, не ходил и не пойду, так вы уж меня увольте!».

Пауло всё это время размеренно кивал, будто отлично понимал, о чем мы говорим. Впрочем, он, наверняка, знает эту историю получше меня.

– В Добровольческой армии с начала восемнадцатого года, – продолжал рассказывать переводчик, – при генерале Кутепове Беляев получил должность инспектора артиллерии и полную свободу действий в управлении всем артиллерийским хозяйством. В том же месяце артиллерия Беляева прикрывала отход из Харькова корпусов генерала Май-Маевского.

Я чувствовал, как рассказ затягивает и затягивает нас в прошлое. За ту самую фотографическую пелену.

– Эвакуированы они были двадцать пятого марта двадцатого года из Новороссийска, – Сергей перевел дыхание и отхлебнул лимонад, – на этом, пожалуй, первая часть истории заканчивается и начинается вот эта, – он снова указал на отложенную в сторону белградскую газету.

Пауло при этом кивнул энергичнее и даже отсалютовал нам стаканом.

– Из Новороссийска остатки Добровольческой армии выехали в Галлиполь, затем в Болгарию, в двадцать третьем году – в Буэнос-Айрес, а в двадцать четвертом – в Парагвай. И уже в двадцать четвертом году Беляев опубликовал в белградской газете призыв к таким же, как он, эмигрантам приехать в Парагвай.

Я еще раз взглянул на пожелтевшую газетную полосу. Удивительно, как, вообще, это всё здесь сохранилось.

– Почему из Европы именно в Парагвай? – сам спросил переводчик. – В Европе бывшие российские офицеры, инженеры, врачи устраивались, в лучшем случае, швейцарцами или водителями такси. В Парагвае тех же офицеров обещали принять на службу с сохранением воинских званий. Приглашались также инженеры, врачи, ученые, строители. Техническим специалистам было гарантировано жалование в размере зарплаты депутата парагвайского парламента.

Пауло произнес что-то на своём языке, но Сергей не стал переводить.

– Но главная причина была даже не в зарботке, – живо продолжил он, – пожив в Европе, Беляев видел разложение русской эмиграции. Они не имели там ни возможности применять свои профессиональные знания, ни какой бы то ни было цели и смысла жизни. На поддержку местных властей тоже рассчитывать не приходилось, это Беляев понял еще в двадцатом году, на греческом острове Лемнос, принадлежащем тогда Англии. Размещенный там, так называемый, лагерь для беженцев являлся, по сути, настоящим лагерем смерти. Впрочем, помощь «союзников» – это отдельная история...

Я вдруг поймал себя на мысли, что не помню, сколько мы уже здесь сидим. Скоро ли приедет автомобиль, приедет ли вообще, и что там делает «гранд» Хуан Антонио...

– Услышав призыв правительства Парагвая, Беляев понял, что это шанс. И не ошибся. Русскими учеными был организован первый инженерный факультет в столичном университете Парагвая, их потомки участвовали в строительстве второй по величине ГЭС в мире, в Асунсьоне четырнадцать улиц названы в честь русских эмигрантов... Но это всё было гораздо позже, после войн.

Сергей отодвинул в сторону газету и достал потрёпанного вида карту.

– Уже в октябре двадцать четвертого года, по заданию Министерства обороны, Иван Тимофеевич со своими товарищами направляются в район Чако-Бореаль, междуречье рек Парагвай и Пилькомайо, для исследования малоизученной местности и проведения топографической съёмки.

– Детское увлечение, – сам себе заметил я.

– Именно, – Сергей пододвинул ко мне карту, – Гранд-Чако – на языке местных «охотничья земля» – участок тропических джунглей размером, примерно, с четверть Франции. Население – преимущественно индейцы. Образно выражаясь, здесь мир ядовитых змей и ягуаров. «Зеленый ад». Что довелось претерпеть путешественникам, фактически первопроходцам, в этих местах – тоже отдельный разговор... За двадцать пятый – тридцать второй годы Иван Тимофеевич и его спутники совершили тринадцать экспедиций в Чако.

Беляев оставил большое научное наследие по географии, этнографии, климатологии и биологии этих земель. И, что было особенно важно для парагвайского правительства, смог найти и нанести на карту все самые значимые источники питьевой воды в джунглях. Это сыграло, возможно, решающую роль в предстоящей войне.

Я машинально кивнул, заметив на карте голубоватые пятна. Простая питьевая вода – вот что важно.

– Кроме того, Иван Тимофеевич изучил быт, культуру, языки и религии индейцев, составил первые словари местных языков – испанско-макаи и испанско-чамакоко. Исследования Беляева помогли разобраться в сложной племенной и этнолингвистической структуре индейского населения Чако. Он смог примирить почти все враждующие племена, они-то и помогали ему находить воду. Дружба с индейцами тоже здорово помогла парагвайцам в будущей войне.

Я невольно глянул на беспечного Пауло. Меньше всего он походил на какого-то воина или хотя бы потомка воинов. Впрочем, внешность почти всегда обманчива. Мне следует проехать на этой «машине времени» до конца, куда она меня довезет.

– Теперь – о той войне, – Сергей кашлянул и еще раз промочил горло, – Чакская война тридцать второго – тридцать пятого годов между Парагваем и Боливией, за область Чако. Считается самой кровопролитной войной за двадцатый век в Южной Америке. В Парагвае, заметьте, эта история почитается, как в России – память о Великой отечественной.

Причина для начала войны, как водится, банальна. Компания «Стендарт Оил», принадлежащая Рокфеллерам, провела геологическую разведку в Чако и обнаружила здесь нефть. Такое вот везение.

Но эта область еще до того считалась спорной территорией. Проблема в том, что испанская колониальная администрация в своё время не озаботилась точным разграничением земли

в центре континента. Парагвай стал независимым в восемьсот одиннадцатом году, а Боливия – только в восемьсот двадцать пятом, поэтому Парагвай успел существенно закрепиться в этом районе. Столкновения на пограничных территориях происходили весь девятнадцатый век, а в начале двадцатого только усилились.

Итак, Боливия получила кредитную линию от США на закупку американского же оружия. А командовали боливийской армией немецкие офицеры, среди которых был, например, Эрнст Рем. Тут надо заметить, что по Версальскому договору Германии запрещалось иметь армию. В Боливии они получили возможность военного опыта с новейшим оружием.

Говорят, Чакская война стала как-бы «промежуточной войной» между русскими и немцами. Попытка взять реванш за Первую мировую.

– Историческая ирония, – отозвался я, задумчиво разглядывая карту, и уже совсем не думая о Хуане Антонио, – уехать на другой конец света и всё равно столкнуться с немцами.

– О, да, – вздохнул переводчик, – к слову сказать, во время Второй мировой Беляев искренне поддержал СССР. В отличие от некоторых белоэмигрантов, которые, увы, перешли на сторону нацизма... Впрочем, это тоже немного другая история.

Еще надо заметить, что Парагвай на тот момент – самая независимая страна в Южной Америке. Здесь был своеобразный «социализм без коммунизма»: в собственности населения девяносто процентов земли, бесплатная медицина и образование, экспорт превышал импорт.

Но вот армия Парагвая боеспособностью не отличалась. Вооружение гораздо беднее боливийского, танков не было вовсе, самолёт имелся всего один. Но недаром же среди предков Ивана Тимофеевича имелся адъютант самого Суворова! «Науку побеждать» Беляев знал отлично. Он, тогда фактически уже начальник Генерального штаба, планировал операции и лично участвовал во многих боях. Особо примечательна история с бутафорскими пушками противовоздушной обороны.

– Бутафорскими? – переспросил я.

Пауло присвистнул. Похоже, он не раз слушал эту историю на русском.

– По приказу Беляева из пальм вырезали подобие пушек, раскрашивали и выставляли в боевом порядке, – пояснил Сергей, – боливийская авиация принимала эти «пушки» за чистую монету и бомбила едва ли не каждый день. И, должно быть, очень удивлялась, когда они вновь и вновь появлялись у парагвайской армии.

В условиях чудовищной влажности и жары под пятьдесят новенькие американские пулеметы с водяным охлаждением просто закипали, а старая парагвайская техника успешно работала.

Боевые действия велись, в основном, в тех самых джунглях, которые Беляев уже исходил вдоль и поперек. И индейцы – друзья генерала помогали парагвайским солдатам. Ключевое преимущество в джунглях, озеро питьевой воды Питиантута, было открыто еще в одну из экспедиций. Тогда-то Беляев и стал вождем племени мака, тогда-то они и прозвали его Белый вождь.

Пауло одобрительно взмахнул руками.

– Закончилась Чакская война поражением ста шестидесятитысячной армии Боливии, – Сергей взял еще один лист-ксерокопию, – показательна надпись на табличке, оставленной боливийскими солдатами при отступлении: «Если бы не эти проклятые русские, мы бы все ваше босоное войско сбросили бы в реку Парагвай».

Для Парагвая удержание Северного Чако было еще и делом чести. Здесь отлично помнили войну против Тройственного Союза Бразилии, Аргентины и Уругвая, собранного тогда еще на английские деньги, в шестьдесят четвертом – семидесятом годах. Парагвай тогда потерял девяносто процентов мужского населения.

При этих словах Пауло вдруг отставил свой стакан и сам достал какой-то лист из стопки.

– И лучше всех, пожалуй, ту войну помнили парагвайские женщины, – Сергей взял у него листок, – после победы в Чакской войне они опубликовали специальное Обращение парагвайских матерей. Оно называлось «Молитва за Русь», – переводчик сделал большой глоток воды и прочитал: – «От всех матерей, чьи сыны являются свидетелями вашей храбрости в битвах, я приношу вам, белые русы, сердечную благодарность парагвайской женщины. К своим обращениям к Всевышнему я присоединяю новую молитву. Да вернёт Он Вам вашу Родину, которую вы потеряли!». Тереза Ламас Карисимо де Родригес Алкала.

Я попытался представить себе эту Терезу. Вероятно, это была совершенно простая немолодая женщина, похожая на всех матерей всех народов Земли.

– Но на этом история не заканчивается, – гордо добавил Сергей, – после войны Иван Тимофеевич полностью посвятил себя делам индейцев.

Пауло сказал еще что-то, Сергей сразу перевел:

– Он говорит, что парагвайцы происходят от двух народов – испанцев и индейцев. Белый вождь смог соединить эти две части и наладить между ними связь, в прямом и в переносном смысле. Как лингвист, он составил словари испанский-мака и испанский-чамакоко. Но и это не всё. В сороковом году генерал продвинул в Лигу наций декларацию о правах индейцев, первую за всю историю индейцев Южной Америки. С тех пор каждый индеец считается гражданином республики Парагвай, до этого местные жители могли охотиться на них как на зверей.

В сорок четвертом Беляеву присвоено звание Генерального администратора индейских колоний. Благодаря его усилиям президент Парагвая выделил землю индейцам племени мака, которая по сей день носит название «колония генерала Беляева». Где мы сейчас и находимся.

Кажется, меня сегодня пытались убить... Пожалуй, конкурентам Хуана Антонио можно даже сказать спасибо за такой случай.

– Беляев скончался девятнадцатого января пятьдесят седьмого года в Асунсьоне, – Сергей достал другую газету, на вид тоже совсем старую, на испанском, – страна, как я уже сказал, на три дня погрузилась в траур. Отпевали его в храме Покрова Пресвятой Богородицы, построенном еще в двадцать восьмом году. Хоронили Ивана Беляева с воинскими почестями, у гроба, сменяя друг друга, несли дежурство первые лица государства.

Но, что самое примечательное, во время отпевания церковь буквально окружили толпы индейцев. Он ведь много писал и об их религии. Ставил вопрос о схожести их верований с ветхозаветными сюжетами, о глубине их религиозного чувства и, в этой связи, говорил об универсальности основ христианской морали. Но при этом Беляев принципиально выступал против любого насильственного навязывания индейцам европейской культуры.

И в знак уважения к религиозным воззрениям своего вождя и друга, во время его похорон они осеняли себя крестным знаменем и распевали «Отче наш» на своём языке, в переводе покойного. Такого столица Парагвая не видела ни до, ни после.

Я допил оставшуюся воду.

– По завещанию генерала, его тело передали совету старейшин гуарани для погребения на территории индейских поселений, – Сергей махнул рукой куда-то за окно, в сторону «зеленого ада», – сейчас ему установлен особый памятник на одном из островов посреди реки. Если у вас будет время, мы можем и туда съездить...

Но я не успел ответить.

Совсем близко слышался шорох автомобильных шин, возвращая меня из прошлого в день сегодняшней.

Старый снайпер

Одним из дурных последствий жестокого поступка является то, что ожесточаются сердца очевидцев. (английская поговорка).

Он взял в руки любимую винтовку и задумался: почему снайперов не романтизируют так же, как разведчиков? А ведь многие операции разведки вообще бы не состоялись без его помощи.

Его оружие со временем меняется, но не слишком. Цели не меняются никогда. В прямом и не прямом смысле.

Разгромленную комнату затапливал полумрак. Но это не мешало. Старый снайпер может подготовить к работе оружие и с закрытыми глазами. А яркий свет, скорее, его противник, чем союзник. Союзник – тень. Тайнственность. Неизвестность.

Главное, чтобы его цели находились на свету. Чтобы их хорошо освещали. В прямом и не прямом смысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.